

абсолютного и постоянно действующего фактора на всем протяжении греко-римской истории.

Однако и у советских историков греческая колонизация большей частью рассматривалась односторонне, «только с точки зрения истории Греции, греческих племен и греческой культуры»¹. Этот упрек, сделанный А. А. Иессеном историкам, изучавшим колонизацию Северного Причерноморья, в полной мере должны принять на себя и историки, касавшиеся в своих работах общих проблем, связанных с греческой колонизацией.

Греческая колонизация могла возникнуть лишь на базе длительного периода доколониционных сношений, которые в значительной мере были унаследованы греками еще с микенского времени. Самое направление греческой колонизации шло по уже известным и установленным задолго до греков путям и было вызвано не случайным открытием наличия «некультурных прибрежных народов, мало способных к сопротивлению», как это утверждает Эд. Мейер, но наличием туземцев, уже и ранее вступавших в обмен с греческими и догреческими купцами и заинтересованных в этом обмене.

Греческая колонизация, явившаяся следствием возникновения полисной жизни с зависимостью этого полиса от периферии, поставляющей рабов, должна быть изучена в тесной связи с вопросом о греческом полисе; в связи с вопросом о полисе может и должен быть поставлен вопрос о «законе населения» античного общества, о чем говорилось уже выше.

Только совместным трудом историки и археологи Советского Союза могут разрешить эту проблему, противопоставив подлинно-научный и всесторонний анализ причин и форм греческой колонизации фальсификации этого процесса буржуазной наукой

К. М. Колобова

Обсуждение книги академика Н. М. Никольского

*Акад. Н. М. НИКОЛЬСКИЙ. Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов. 1. Текст С-Егрену, АН БССР, Институт истории, Минск, 1948, 426 стр., цена 37 руб.*²

I

Начатые в 1929 году раскопки на месте города Угарит (современный Рас-Шамра), на северном побережье Сирии, непрерывно обогащают науку ценнейшими источниками по истории религии и культуры финикийцев. Угаритские тексты написаны на глиняных табличках клинописным алфавитом, состоящим из 29 алфавитных знаков. Исходя из вполне правдоподобного предположения, что данные документы составлены на одном из семитических языков, исследователи еще в 1931 году в основных чертах дешифровали это неизвестное алфавитное письмо. Таким образом, создавалась воз-

¹ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 89.

² Настоящая рецензия на интерпретацию акад. Н. М. Никольским угаритского текста С является выдержкой из большой рецензии в 7 печ. листов. Столь обстоятельная рецензия не может быть опубликована ни в одном из журналов, и я поэтому использую все установленные мной в ней данные в самостоятельном исследовании, посвященном этому любопытному письменному памятнику древней Финикии. Основные положения его были мной зачитаны 27.XI. 1948 г. на сессии Ленинградского ордена Ленина университета имени А. А. Жданова в докладе «Древневосточный этап истории Дрaмы».

возможность первичной интерпретации текстов. Конечно, начальные попытки дешифровки, предпринятые в первой половине тридцатых годов, ни в коем случае не могут рассматриваться как надежная основа для историка. Это было лишь первым шагом к достижению точного понимания данных текстов. Точная передача и толкование их могут быть достигнуты лишь путем дальнейшего углубленного изучения угаритского языка и письма. Поэтому наряду с изданием и первым опытом перевода письменных памятников древнего Угарита создавалась и накапливалась в течение 17—18 лет существования новой востоковедческой дисциплины «угаритоведения» многочисленная специальная литература, посвященная окончательному уточнению алфавитной системы, определению словарного состава и установлению грамматических норм. Именно подобного рода исследования внесли весьма существенные исправления в переводы первого пятилетия угаритоведения. Так, например, в тексте, содержащем легенду о витязе Керете, было найдено слово «trh», которое первый издатель этого текста передал как имя отца библейского патриарха «Терах». Некоторыми учеными это толкование было принято, но уже в 1939 г. было предложено понимать упомянутое слово как термин, обозначающий «цену невесты», соответствующий вавилонскому «terhatu». Над изучением угаритских текстов трудилось немало ученых. Неудивительно поэтому, что уже к 1939 г. библиография исследований по угаритоведению заполняла 55 страниц. Столь же многочисленными трудами обогатило юную востоковедческую дисциплину и последнее десятилетие — 1939—1948 гг. Вновь становится необходимым издание библиографии, которая учла бы эти работы, рассеянные по специальным журналам.

Почти все опубликованные за рубежом исследования буржуазных ученых ставят и решают только вопросы письма, языка, грамматики, дают переводы отдельных текстов и филологические комментарии к ним. Работ же общего характера, насколько я знаю литературу предмета, за рубежом еще не появилось. Ученые там даже не поставили основного вопроса о возможности изучения общественного строя и культуры древнефиникийского города-государства на основании его религиозных текстов. Подобный пробел, столь характерный для науки капиталистических стран, легко объясняется, по образному выражению С. Кафтанова, боязнью буржуазных ученых «выйти на столбовую дорожку развития облюбованной им отрасли науки». Заполнить этот пробел, очевидно, суждено советским востоковедам, вооруженным единственным научным методом — методом диалектического и исторического материализма, с помощью которого они смогут на основании угаритских текстов не только поставить вопрос о характере производственных отношений финикийского общества, но и ответить на него.

Книга акад. Н. М. Никольского, — «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» вышла в свет в самом конце 1947 г. в Минске. Основой исторического построения в указанной книге акад. Н. М. Никольского является интерпретация сравнительно небольшого, но очень важного текста. Его издал, перевел и комментировал в 1933 г. французский семитолог Виролло. Он окрестил этот текст: «Рождение богов милостивых и прекрасных». Впоследствии его чаще обозначали буквой С, так как это был третий по счету из ставших известными мифологических текстов из Рас-Шамра. Акад. Никольский также пользуется только что указанным обозначением, но вместе с тем предлагает и свое — «Eqrēnu» по начальным буквам слов, составляющих две первые строки документа — «eqra elm p'tm w usm». Поэтому подзаголовок книги, являющейся первым томом задуманного автором труда, гласит: «1. Текст С-Eqrēnu». В следующей работе он предполагает привлечь и рассмотреть полностью религиозные тексты из Рас-Шамра, которые в настоящем томе использованы отчасти, лишь поскольку это требовалось задачами исследования.

Акад. Н. М. Никольский закончил в основном свою книгу в страшные годы немецко-фашистской оккупации Минска. Вывезенный партизанами 1 августа 1943 г. из города в партизанскую зону, он здесь еще раз пересмотрел, местами доработал и проредактировал свою книгу. Нельзя не преклоняться перед самоотверженным тру-

дом советского ученого и горячей, беззаветной любовью к науке белорусских партизан, которые в условиях боевого быта создали ему возможность продолжать свою научную работу. Книга, написанная в тех условиях, является вечным памятником пламенного советского патриотизма как самого ученого, так и помогавшей ему общественной среды. Тогда, конечно, никто не мог ожидать, чтобы автор, работавший в столь невыносимо тяжелых условиях, был в состоянии учесть в какой-либо степени специальную литературу или же интерпретировать трудный для понимания древний текст с должной методической точностью.

Однако автор книги, посвященной изучению одного из труднейших текстов Угарита, должен быть хорошо знаком с основными достижениями угаритоведения как филологической дисциплины за все время его существования. Действительно, начитанность в специальной литературе, изданной в течение последних 12 лет, спасла бы автора от многих неточностей и промахов. Так, например, автор утверждает, что в угаритском языке форма каузативной породы «шафэль» — архаична и что от нее «произошла обычная форма «hiph'il» через смягчение «sch» в «h» (стр. 141). В действительности, в угаритском языке эта форма отнюдь не была архаичной. Наоборот, она победила форму гифияля, и с течением времени каузативная порода угаритского глагола почти исключительно выражалась в форме шафэля.

Другой пример: слово «qrt», встречающееся в 3-й строке, Н. М. Никольский вслед за Виролло переводит безоговорочно — «город», полагая, что здесь идет речь о передаче царем «города» — «богам благостным и прекрасным» (стр. 127). Поэтому для него оставалось непоколебимым понимание строки 65-й, как призыв построить названными богами город Ашдод, или Аседад. Между тем, изучение автографии, оставленной им без внимания, дало бы ему возможность установить порочность чтения «ašdd» (т. е. Ашдод) в упомянутой строке. Автор оставался настолько уверенным в беспорочности подобного чтения, что в его работе построение города Ашдод занимает центральное место. Однако, слову «qrt» можно дать иное толкование, нежели «город», а именно «честь», «почесть», «почитание», которое, согласно контексту, воздавалось «богам благостным и прекрасным». Изъятие слова «город» из начальных слов текста, безусловно, вызвало бы у автора сомнение в возможности толкования строки 65-й, как призыва к сооружению Ашдода.

От других серьезных ошибок предохранило бы Н. М. Никольского внимательное чтение словаря, приложенного к известному ему изданию угаритских текстов 1935 г., примеров чему можно привести достаточное количество. Размеры настоящей рецензии заставляют ограничиться только одним из них. Так, слова «btm» и «bt» автор рецензируемой книги понимает, следуя переводу 1933 г. Виролло, первое, как «обитатели», а «bt» как «обитель». Поэтому его перевод строк 45—46 текста — «Обитатели — обитель Эла и обитель юной супруги его» не соответствует по содержанию параллельным строкам — 48—49, гласящим в той же передаче акад. Н. М. Никольского: — «Женщины! Жена Эла! Жена Эла и юная супруга его» (стр. 132). Поскольку «обитель Эла и его супруги», по мнению акад. Никольского, тождественны с самими богами (прим. 241, стр. 371), то строки 45—46 являются обращением к одним лишь женам бога Эла. Поэтому в слове «btm» можно скорее усмотреть двойственное число от «bt» — «дочь», как это предложил еще словарь 1935 г. Таким образом, строки 45—46 следует перевести: «Дочери! дочери Эла, дочери Эла» и т. д.

Не использовал акад. Никольский в достаточной степени и столь ценный для определения угаритской лексики богатый материал, собранный В. Ф. Гиргасом в его арабско-русском словаре. И в этом случае придется ограничиться одним примером. В 61-й строке текста говорится про «богов милостивых», только что рожденных богинями Ашерат и Рахам, что они «agzg um». Уже Виролло закономерно сопоставил «agzg» с корнем «gzg» — «рассекать», «разделять» древнееврейского и арабского языков. Однако представляется более вероятным, что в словах «agzg um» следует искать не намек на сказание о чудесном переходе через море детей Израиля, бежавших из Египта, но намек на миф о рождении богов из моря. В угаритском мифе о смерти и воскрешении богов растительности богиня Ашерат называлась «Ашерат моря». Свя-

зана с морем и ее двойник Анат-Рахам, так как она вместе с ней родила «сыновей моря», т. е. двух милостивых богов. Поэтому для «agzg um» следует искать иное осмысление, нежели «рассекание моря», уместное в мифе, каким-то образом связанном с легендой о переходе детей Израиля через море. И тут может помочь словарь В. Ф. Гиргаса. В нем приведен глагол «gazaga» в контексте «вода понизилась, упала, отлив наступил» (стр. 119). Используя это семантическое значение корня «gzg», можно истолковать «agzg», как 3 л. мн. ч. perfectum'a афель формы от глагола *gzg* и, следовательно, перевести «agzg um» — «они дали понизиться морю». «Боги милостивые», будучи «сыновьями моря», рождением своим дали упасть уровню моря, чреватого их матерями и ими самими. Конечно, только что высказанное соображение пока еще проблематично, но оно доказывает, что привлечение материала других семитических языков, в том числе и арабского, открывает ученому более широкие перспективы. Пренебрежение им не могло не сказаться отрицательно на труде Н. М. Никольского. Он далеко не в полной мере отражает уровень современных знаний по семитологии и угаритоведению.

Теперь необходимо перейти к еще более существенному вопросу — как применена в монографии акад.² Никольского тонкая советская методика исследования текстов. Основное ее требование — самое тщательное и внимательное отношение ко всем особенностям изучаемого памятника, в первую очередь к тем расчленениям и подразделениям, которые ему свойственны. Главный запрет, налагаемый научной методикой на исследователя, заключается в недопустимости произвольных изменений текста с тем, чтобы выводы соответствовали действительному содержанию памятника.

Уже первоиздатель текста Виролло отметил, что на лицевой стороне таблички отдельные клинописные знаки расставлены свободно и расчленения текста отделены друг от друга горизонтальными линиями. На обратной же стороне, т. е. с 30-й строки текста, клинописные знаки поставлены ближе друг к другу, и указания на расчленение текста отсутствуют. Виролло, правда, лишь формально отмечал в своем издании памятника горизонтальные черты, проведенные угаритским писцом на лицевой стороне таблички. К сожалению, акад. Н. М. Никольский не счел нужным этого делать. Начиная с восьмой строки, он разбивает весь текст на три цикла: А, В и С. Цикл А — соответствует первой части его, т. е. лицевой стороне. Содержание последней делится в свою очередь на три «группы церемоний», из которых лишь первая, соответствующая семи строкам начала текста, совпадает с подразделением, установленным писцом. Вторая же «группа церемоний» (строки 8—18) и третья группа (строки 19—29) охватывают по четыре подразделения лицевой стороны таблички, предложенных писцом. В введении к циклу А акад. Никольский, говоря о двух последних «группах церемоний» (стр. 126—127), не принимает во внимание древнего расчленения текста, которое следовало отразить восемью четкими заголовками. При исследовании же семи начальных строк он впадает в иную ошибку. Эти строки, как было отмечено, составляют первое подразделение текста и должны были служить введением к нему. Введение представлялось составителю древнего памятника единым по содержанию, но акад. Никольский уничтожает это единство и делит семь упомянутых строк вновь на три части: 1) начальную формулу (строки 1—2), — являющуюся заглавием всего обрядового цикла текста; 2) возгласы жреца святилища; 3) обращение к богу Шалему (стр. 126), о котором здесь, к слову сказать, не идет речь, ибо слово «šlm» истолковано автором неверно. Если бы акад. Никольский был прав и первые две строки текста действительно являлись его заглавием, то, несомненно, их бы выделили горизонтальной чертой в самостоятельное подразделение. Ведь среди подразделений лицевой стороны три имеют по две строки (строки 19—20, 20—22 и 28—29), а одно состоит даже только из одной строки (строка 12). Следовательно, выделение заглавия не противоречило бы системе расчленения содержания этой стороны таблички. Таким образом, акад. Никольский не только не учел в должной мере древнюю систему разделения содержания текста, но в одном случае даже внес в нее произвольное изменение.

Переходя к системе лингвистической транскрипции, принятой в монографии (стр. 122—125), следует сказать, что она могла бы быть названа «точной» лишь в 1934 г.,

и ни в коем случае не может быть признана таковой ныне. Так, акад. Никольский продолжает транскрибировать знак через š, а не через «š» или через «t», что правильнее. Во всяком случае и та и другая передача спасает исследователя от соблазна безоговорочного отождествления указанного угаритского знака с буквой š финикийско-древнееврейского алфавита. Применяя устаревшую транскрипцию, акад. Никольский не смог себя сберечь от этого искушения и в нескольких случаях погрешил против филологической точности. Например, в строке 19-й после слов «mībt. 'ilm. tnn» следует буква «t». За ней текст полностью разрушен. Акад. Никольский, стремясь восстановить конец строки, предлагает отождествить сохранившуюся букву , передаваемую

им через «š», с первой буквой пустого глагола «št» (стр. 122 и прим. 225) финикийского, еврейского и сирийского языков, означающего «ставить», «помещать». Глагол «št» в угаритских надписях, правда, имеется, но его начальная буква не t, как предполагает автор, а š. Поэтому отпадает и предлагаемая им реконструкция 19-й строки. Н. М. Никольский, к сожалению, не приложил к своему труду автографию исследуемого им текста, а также таблицы знаков угаритского алфавита с их фонетическими значениями, вводя в заблуждение читателя, имеющего право при этом условии требовать особенно тщательной транскрипции, максимально приближающейся к автографии. Между тем в ней отсутствуют словоразделители, поэтому невозможно определить, какие группы знаков выделены в особые слова писцом, а какие — автором. Для этого приходится заглядывать в примечания, приложенные в конце книги. Вместо словоразделителей, имеющих в тексте, введены точки, отмечающие предложения, на которые Н. М. Никольский расчленил текст. Подобные, не свойственные памятнику знаки, совершенно неуместны с методической точки зрения.

Неверно и непоследовательно применяются и квадратные скобки, включающие восстанавливаемые места изучаемого документа. В транскрипции строки 60-й использованы акад. Никольским квадратные скобки, вместо угловых скобок, указывающих не на восстановление разрушенного текста, а восполнение пропущенного древним писцом слова. Подобное замечание относится и к 70-й строке текста перевода и 65-й строке транскрипции.

Если Н. М. Никольский отказался от воспроизведения автографии всего текста, то во всяком случае автографии восстанавливаемых им мест он должен был обязательно поместить. Из нескольких примеров достаточно остановиться на одном, чтобы показать, к какой путанице приводит пренебрежение этим требованием. При лингвистической передаче в строке 71-й полуразрушенного слова, которое Виролло транскрибировал «hl(?)g», автор вступает с ним в полемику (прим. 264), упрекая его в том, что он разделительный знак признал за букву «g» и предлагает чтение разрушенного слова как «hl-hala» — «туда». Если бы акад. Н. М. Никольский имел перед глазами автографию упомянутого разрушенного слова, то не стал бы упрекать Виролло. Последний определил как букву «g» одиноко стоящий вертикальный клин перед словоразделителем, а верхний кончик вертикального клина налево от него Виролло принял за остаток последнего вертикального клина буквы «l». Поверхностно ознакомившись с автографией, акад. Н. М. Никольский предположил, что последним элементом буквы «l» был изолированный вертикальный знак, стоявший перед словоразделителем. Однако это невозможно, ибо знак «l» никогда не пишется   с пустым пространством между вторым и третьим клиньями. Таким образом, неудачное чтение Виролло опровергнуть автору не удалось, а его собственная интерпретация отпадает.

В некоторых случаях автор не отмечает в своей транскрипции спорность той или иной буквы древнего текста и предлагает безоговорочное чтение полуразрушенного клинописного знака. Один из многочисленных примеров находится в начале 30-й строки (стр. 123), где восстанавливается без каких-либо оговорок в слове «bh» — «h», хотя и возможно чтение «p».

Не всегда точна лингвистическая транскрипция при передаче эмфатических, ши-

пящих и других звуков угаритского алфавита. В ряде случаев над буквами и под буквами ставятся ошибочные вспомогательные значки или они вовсе опускаются.— (Так, в строке 14-й— в слове «gʒgm» — «g» вместо «g̃», в следующем слове «tb[h]» вместо «h» — «h̃», в строке 36-й— «uʃ» вместо «uʃ̃», и т. д.).

Переходя к попыткам акад. Никольского восстановить памятник, необходимо прежде всего подчеркнуть, что дело это вообще нелегкое и исследователь должен в равной мере считаться с требованиями эпиграфики, палеографии и филологии. Пренебрежение законами хотя бы одной из этих дисциплин лишает предложенное восстановление права на существование. К сожалению, акад. Н. М. Никольский совсем не принимает во внимание эпиграфические данные, когда говорит об условиях, способствовавших его работе по восстановлению текста С (стр. 120). Зато он указывает наряду с моментами палеографическими и филологическими и на необходимость считаться с характером описываемой в данном контексте обрядности. Это, конечно, не может заменить забытые элементарные правила эпиграфики. Ведь предполагаемые в том или ином контексте описания обрядности слишком субъективны и гипотетичны, чтобы служить надежной опорой для восстановления поврежденных слов или строк. В угоду предвзятой идее исследователь будет заполнять разрушенные места, не считаясь с их размерами, слишком большим или недостаточным количеством знаков. И за примерами далеко идти не приходится. Так, предлагаемая реконструкция лакуны — «wʷʃ[mʷ elm nʷm]m (стр. 122 и прим. 213) в пятой строке не вмещается в разрушенном месте.

Обратным пороком страдает восстановление, предлагаемое им для разрушенного конца 4-й строки «yd[ndr]» (стр. 122 и прим. 213). Вполне очевидно, что чтение акад. Никольского лакуну не заполняет. Тем самым «реконструкция», предлагаемая им, отпадает полностью.

Ряд восстановлений не учитывает в достаточной степени требований палеографии, не считаясь с остатками знаков, которые сохранились на табличке. Например, если бы Н. М. Никольский придерживался высказанного им условия о необходимости «самого бережного отношения к каждой сохранившейся букве текста» (стр. 15), то в середине 6-й строки он прочел бы не «d[y]», а «[ʼa]y». Неприемлемо и чтение последнего слова 15-й строки как «hnp̃t̃», ибо данное им ее описание (прим. 221) не соответствует тому, что стоит в оригинале. Полуразрушенное место в середине 58-й строки следует реконструировать как «tld». Приведенные примеры далеко не исчерпывают погрешности подобного рода, но достаточны и ими можно ограничиться.

В иных случаях автор слишком доверчиво относится к транскрипции Виролло, ныне несколько устаревшей. Вместе с французским ученым, например, он передает начало 74-й строки: eʃ yṇ dʼrb (стр. 125) и вместе с ним переводит «есть вино! — Кто вошел?» и т. д. Если бы Н. М. Никольский обратился к автографии, то он бы первую букву группы «ʼrb» прочитал как «š» и получил бы глагол «šrb» — «он пил, вышил» (см. упомянутый словарь В. Ф. Гиргаса, стр. 401—402), который является вполне уместным в данном контексте).

Некоторые другие реконструкции текста, предлагаемые акад. Н. М. Никольским, неприемлемы вследствие несоблюдения грамматических норм. Из трех ошибок подобного рода в строках 15-й, 72-й и 54-й остановлюсь только на последней. В конце ее дается следующее восстановление: «w kbkbm kn[n]» (стр. 124 и прим. 246). По мнению автора, в данном контексте идет речь о жертвах, приносимых звездам, и поэтому он сопоставляет полуразрушенное слово «kn...» с вавил. «kanpu» — «чаша возлияния», а последний стертый знак отождествляет с буквой «n». При этом он забывает о том, что в угаритском письме, как и во всех прочих семитических системах письма, кроме аккадского, удвоение согласных не отмечается. Если в угаритском тексте встречается слово с двумя тождественными согласными, следующими непосредственно друг за другом, то данное обстоятельство свидетельствует, что согласные были отделены друг от друга полнозвучной гласной.

Теперь следует перейти к оценке интерпретации акад. Никольским изучаемого текста. Здесь встает весьма существенный вопрос: в достаточной ли степени серьезно

учел автор возможности разночтения того или иного слова, и в достаточной ли мере тщательно взвесил он силу аргументации в пользу того или другого из возможных чтений? Положение угаритоведа в данном отношении неизмеримо труднее, нежели положение библейста. Если последний исследует текст, над установлением которого трудились многие поколения бесчисленных ученых, то первый изучает памятники, открытые менее 20 лет тому назад. По существу говоря, угаритовед сам вынужден создавать текст, избираемый им для своих выводов. Поэтому он должен подходить с особенной методичностью и осторожностью и к восстановлению разрушенных мест изучаемого документа и к определению варианта чтения, который должен быть им избран из всех возможных чтений какого-либо плохо сохранившегося слова. Выбор акад. Н. М. Никольского далеко не всегда бывает удачным и в достаточной степени оправданным.

Не имея возможности дать во всех случаях подобного рода развернутую критику предлагаемых акад. Н. М. Никольским толкований текста, остановимся подробно на одном, наиболее серьезном, а в отношении некоторых других ограничимся краткими исправлениями.

В 65-й строке находится плохо сохранившийся знак в слове, следующем за первым словоразделителем этой строки. Он допускает два чтения: «d» и «l». Поэтому Виролло, транскрибируя это слово — «ašd(?)d», ставит после него вопросительный знак. Французский ученый предпочел первый вариант, ибо в этом случае он мог данное слово понять как название Ашдода, одного из пяти главных городов Филистимлянского побережья. Правда, в переводе текста С Виролло хотя и ставит после названия города вопросительный знак, тем не менее полагает, что заключительная сцена, описанная в данном тексте, имеет место в Палестине, а не Финикии. Между тем, автография, несомненно, говорит в пользу передачи поврежденной буквы через «l», а не через «d». Акад. Н. М. Никольский, зная, что Виролло считал чтение «ašdd» не вполне надежным и допускал также чтение «ašld», полностью отверг последнее, так как, по его мнению, нет ни одного «города, ни одного собственного имени такого консонантного состава; единственно подходящее чтение — Aseldo (в переводе LXX Мс. Нав. 11, 22) передает еврейское Ashdod, т. е. название Азота, и «l» является, конечно, ошибкой переписчика» (стр. 35).

Однако аргументация автора рецензируемой книги не учитывает одной простой возможности, а именно, что слово «ašld» могло обозначать не имя какого-нибудь города или какое-либо собственное имя, а глагольную форму. Действительно, «ašld» без всяких натяжек может быть истолковано как 1 л. ед. ч. imperfectum шафэля от глагола «yld» «рождать» — и «родил» — «я рожаю». Тщательное изучение автографии и внимательное обсуждение доводов в пользу другого возможного чтения — «ašld» спасло бы акад. Н. М. Никольского от утверждения, что в тексте С упоминается сирийско-финикийский город «Ашдод» — «Садад». Между тем, это положение он называет «важнейшим составным элементом» исследуемого документа. По его мнению, выяснение всех проблем, связанных с городом «Ашдод» — «Садад», предоставит все данные «для разрешения основного вопроса о том, какое именно божество из числа благостных богов было главным богом обетного храма», благодаря ему разъясняются и «все прочие смежные вопросы, связанные с толкованием отдельных мест и выражений текста С» (стр. 39). Без преувеличения можно сказать, что основой основ всего построения автора является совокупность выводов, которые он делает из чтения «ašdd» в упомянутой строке. Если последнее неверно, то оно превращается в ту червоточину, которая в конце концов разрушит все громоздкое построение, поспешно воздвигнутое акад. Никольским.

В 12-й строке текста слово, прочитанное Виролло как «yrgm», — множественное число от «месяц», др. евр. «jageaḥ», Н. М. Никольский находит более правильным истолковывать, как аккадское «jaḡaḥḫi», «jaḡuḫi» порция зерна, которую получает странник. Между тем, Виролло уже в 1941 г. сам отказался от этого чтения и в полуразрушенном знаке, передаваемом им прежде как «h», увидел букву «g». Таким образом, спорное слово надлежит понимать «yrgm», т. е. 3 лицо ед. ч. м. р. imperfectum 'a от глагола

«rgm» — «говорить». Поэтому полностью отпадает и перевод 12-й строки, предлагаемый акад. Никольским (стр. 128).

Начало 18-й строки автор, следуя за Виролло, безоговорочно читает как «[w n]šm», хотя и отвергает реконструкцию последним конца предшествующей строки (17-й). Однако полуразрушенное слово лучше понимать как «tšm».

Из всего сказанного, хотя оно далеко не исчерпывает моих критических замечаний, следует, что транскрипция Н. М. Никольского ни в своих чтениях, ни в восстановлении разрушенных мест далеко не безупречна и автографии текста ни в коем случае заменить не может.

Ее пороки прискорбным образом сказались и на точности и качестве перевода текста С, данного акад. Никольским, к рассмотрению которого надлежит нам сейчас обратиться. Давая общую оценку работе переводчика, приходится отметить, прежде всего, что он недостаточно критически отнесся к устаревшим переводам Виролло. Так, 60-ю строку он вслед за французским ученым передает следующим образом: — «Жена моя, о Эл, родила» (стр. 184). Такое понимание, как будет показано в дальнейшем, было закономерно в 1933 г., но недопустимо в 1947 г. Другой упрек заключается в том, что в иных случаях точная, адекватная подлиннику передача текста, который только один может раскрыть содержание и подлинный характер текста, заменяется пересказом. А именно к нему приближается перевод акад. Никольского вследствие пренебрежения нормами грамматики семитических языков и грамматики угаритского языка в частности. Притом это пренебрежительное отношение к грамматике касается всех ее основных разделов, начиная с фонетики.

Для начала можно указать на толкование автором ключевого для него термина «tšm» или согласно приводимой в книге транскрипции «šnm» (строки 7 и 26 текста). Первая буква этого слова, передаваемая теперь обычно через «t», имеет соответствие в алфавитах почти всех семитических языков. Но примеров соответствия угаритской буквы «t» букве «š» в каком-либо слове других семитических языков нет. Тем не менее, акад. Никольский нашел возможным сопоставить угаритское «t» с «š» древнееврейского алфавита, когда он не мог найти среди еврейского лексического материала соответствия для «tšm» в виде šnm и сблизил это слово с евр. «šinnim» — «шипы», «колючки» (стр. 126; ср. также стр. 267 и 273). Оставляя в стороне вопрос о том, подходит ли в семантическом отношении данное еврейское слово, со всей определенностью приходится указать, что евр. «š» здесь не может в фонетическом отношении соответствовать угаритскому «t». В семитических языках наблюдается переход первоначального «š» в «s» («š», «š») и «t» и лишь в тех случаях, когда названная фонема стоит рядом с «k», «t» и «p». Поэтому со всей настоятельностью надо подчеркнуть, что соответствие для «tšm» угаритского текста мы должны искать в древнееврейском языке в виде какого-нибудь слова от корня «šnp». Попытки последнего облегчаются неиспользованной акад. Никольским легендой о Керете, в которой термин «tšm» упоминается в связи с весьма определенным в семантическом отношении термином: «tš. m'at. rbt.⁹⁰ hpt. dbl. spr. ⁹¹ tnn. dbl. hg.» — «3 сотни десятков тысяч (т. е. 3 000 000) свободных людей, которые без числа, tnp, которые без счета». Сопоставление слова tnp с «hpt» — «свободный человек» дает основание истолковать первое из них как обозначение для «воина», так как в примитивном рабовладельческом обществе каждый свободный был вместе с тем и воином. Что же касается слова «tšm» текста С, то оно соответствует мн. ч. от «tšp». Следовательно, загадки оно не представляет и его можно перевести, как «воины». Соответствия этому не трудно отыскать в древнееврейской лексике. Таким образом, интерпретация акад. Никольского полностью отпадает, равно как и толкование им другого ключевого термина, покоящегося также на фонетически порочном положении. В строке 66-й идет речь о «šlšnt», что обычно переводится «7 лет». Однако автора этот перевод не устраивал, ибо он не мог быть оправдан характером описываемой в данном месте, согласно его предположению, обрядности. Поэтому в книге указанные два слова толкуются как «семь времен» (месяцев) (стр. 135). Свой основной довод в пользу предложенного им толкования акад. Никольский находит в сопоставлении слова «šnt» с аккад. «šanitu» — «повторение», «время», кстати при

этом не очень верно пользуясь ассирийским словарем, из которого явствует, что данное слово ближе по своему значению к понятию «раз». Но фонетически подобное сближение ничем не оправдано. Дело в том, что аккад. *šanitu* восходит к порядковому числительному *šānu* — «второй», а последнее — к количественному числительному *šīnān* — два, которое в угаритском письме передается не через «š», а через «t», в противоположность слову *šnt* строки 66-й. Оно начинается не с «t», а «š» и поэтому ни о каком соответствии между акк. *šanitu* и *šnt* текста С речи быть не может. Незыблемым, таким образом, остается прежний перевод *šnt*, как «годы», хотя он и не соответствует характеру обрядности, которую хотел бы в данном месте исследуемого текста усмотреть автор.

Хотя Н. М. Никольский и прав, указывая на часто встречающуюся «взаимозаменяемость» «š» и «s», тем не менее подобную «взаимозаменяемость», характерную для «š» древнееврейского языка и «s» арабского, следует установить ему и для отношения между «s» древнееврейского языка и «š» угаритского. Доступный материал показывает, что «š» в угаритских словах соответствует чаще всего древнееврейскому «š» — «шин» и значительно реже «ś» — «син». Угаритское «š» никогда не находило своего соответствия в древнееврейском «s» само по себе. Что касается имени бога «šḥr», сопоставляемого акад. Никольским не с еврейским «šḥr», а с евр. «šḥr», то надлежит указать на обстоятельство, им не учтенное, а именно на то, что имя бога «šḥr» засвидетельствовано и в других финикийских говорах, где оно входит в состав теофорных имен. Это финикийское божество нельзя отрывать от угаритского бога «šḥr» и от еврейского «šḥr» — «утренней зари». Ее божественность отразила Библия (Исайя XIV, 12) — «О как упал ты с неба, приносящий свет, сын Шахара». В написании слова šḥr финикийских надписей нет случаев, когда š было бы заменено s. Вот почему не может быть речи о возможности семантического отождествления еврейского, угаритского и финикийского «šḥr» с еврейским и финикийским «šḥr». Нельзя простой ссылкой на встречающуюся в среде семитических языков взаимозаменяемость каких-нибудь фонем доказать закономерность сопоставления того или иного угаритского слова с древнееврейским, не вполне тождественным в фонетическом отношении. Поэтому можно отклонить и сопоставление глагола «sq1» 10-й строки с древнееврейским глаголом «sq1» — «очищать от камней» (стр. 128).

Акад. Никольский упрощает филологическую работу, не замечая стоящих перед ним трудностей, когда сопоставляет «lḥ» — строк 42, 46 и 49-й исследуемого текста с евр. словом «almah» — «девушка, еще не родившая женщина» (стр. 124 и прим. 240). «Айн» в евр. «almah» в действительности соответствует «гайну», не могущему быть отмеченным еврейским алфавитным письмом. Его наличие выявляется путем сопоставления с соответствующими арабскими словами. В данном случае «almah» можно сопоставить с арабским «ḡulāmatun». Поэтому можно ожидать, что в угаритском письме, располагавшем даже двумя буквами для обозначения «гайна», соответствующее слово евр. «almah» будет возглавлено не «c», а «ḡ». Оно действительно засвидетельствовано угаритскими текстами (напр. «Syria» XVII (1937), стр. 209—228), где читается «hl ḡlmt tld b [n]» — «Восхваляйте, молодая жена рожает сына». Приходится сожалеть, что акад. Никольский столь неосторожно и необоснованно интерпретирует слово, от которого зависит понимание весьма существенного раздела, изучаемого им документа.

Не останавливаясь в целях экономии места на ошибках, связанных с толкованием имен числительных в угаритском языке, перейдем к местоимениям. Автору незнакома одна из форм слитного местоимения 3 л. м. р. ед. ч. «np». Он смешивает его, очевидно, с «n» так пазываемого усиленного наклонения. Поэтому не совсем точно переведена им вторая половина 9-й и первая половина 10-й строки — «подрезчики подрезают виноградную лозу, вязники подвязывают виноградную лозу» (стр. 121). Правильно же перевести: — «подрезают его подрезающие виноградную лозу, подвязывают его подвязывающие виноградную лозу», что не только уточняет интерпретацию акад. Никольского, но вместе с тем ставит в тесную логическую связь содержание этих строк с предшествующим текстом. В нем описывается божество, сидящее на нем

столе, «в руках его посох бездетности, в руках его посох вдовства». Очевидно, «его» подрезают и подвязывают подрезающие и подвязывающие виноградную лозу.

Уже выше указывалось, что перевод 60-й строки — «жена моя, о Эл, родила», предложенный акад. Никольским, неверен. Дело в том, что в угаритском письме слитное местоимение 1 лица ед. ч. «у» отмечалось лишь в тех случаях, когда существительное оканчивалось на долгую гласную, дифтонг или краткое «i». В прочих случаях оно не проявляется. Таким образом, из данного правила следует, что при существительных, стоящих в именительном падеже ед. ч., слитное местоимение 1 л. ед. ч. не ставится; следовательно, перевод слова «*ṭty*» — «жена моя» неправилен. Единственно возможное его толкование — «Обе жены мои». Дело в том, что двойственное число женск. рода, теряя перед личным местоимением конечное «*m*», сохраняло после «*t*» долгое «*a*», которое и влекло за собой написание «у» слитного местоимения 1 л. ед. ч. Предлагаемое толкование прекрасно согласуется с предшествующим текстом. В нем среди действующих лиц выступают также поставленные в двойственном числе «женщины» — «жены» — «*attm*», что не было отмечено в переводе акад. Никольского. Он переводит это слово, следуя Виролло, просто «женщины» (стр. 131—132). Отчасти благодаря этой неточности оба переводчика не поняли, что «две женщины», упоминаемые во второй части текста С, должны быть сопоставлены с теми двумя богинями, которые выступают в первой его части.

Не поняли они также и слова «*att'il*», «*att'il*», следующие за «*ṭtm*» в строках 42-й и 48-й, усмотрев в них *status constructus* — «жена», «женщина» в ед. ч., и переводили поэтому «жена Эла» (стр. 131—132). Однако, если принять во внимание контекст, слово «*att'il*» является *status constructus* от «*attm*» — «обе женщины». Следовательно, правилен будет перевод — «обе жены, обе жены Эла».

За только что процитированным предложением следует связанное с ним союзом «*w*» слово «*lmh*», которое акад. Никольский истолковал как существительное — «*lm*» с присоединенным к нему слитным местоимением 3 л. м. р. ед. ч. «*h*» — «его». Само «*lm*» он, как уже указывалось, сопоставил с древнееврейским словом «*almah*» — «молодая женщина», что было нами отвергнуто. Остается еще добавить, что слово «*lm*» не имеет конечного «*t*», т. е. показателя женского рода. Поэтому угаритское «*lm*», в случае отсутствия фонетических препятствий, — следует сопоставить не с евр. «*almah*» — «молодая женщина», а с евр. «*elem*» — «юноша». Действительно, от корня «*glm*» — «быть сильным, зрелым» почти во всех семитических языках отвечает термин для обозначения «зрелого юноши» и его женского дополнения с показателем женского рода. Таким образом, в итоге всего сказанного безусловно надлежит отказаться от предложенного акад. Никольским сопоставления «*lm*» текста С с евр. «*almah*» «молодая женщина», несмотря на то, что такое толкование угаритского «*lm*» служит ему одним из оснований интерпретации данного текста в целом.

При интерпретации слова «*mšt'ltm*» строк 31, 35 и 36-й у автора в специальном экскурсе (прим. 231) весьма своеобразно переплетаются чувство боязни перед несуществующими филологическими трудностями и полная беспечность по отношению к реальным филологическим препятствиям. Он полемизирует с Виролло, находя, что «слово, состоящее из семи знаков, должно быть чрезвычайно редким, вряд ли возможным образованием». Несмотря на необоснованность подобного опасения, оно заставило акад. Никольского прибегнуть к весьма странному методу интерпретации этого слова, которое рассекается им на две части, — стоящие в «*status constructus*» — «*mšt*» и «*ltm*». Первое сопоставляется с евр. «*mišteh*» — «ежедневное питье», а второе возводится к глаголу «*alah*», который в древнееврейском языке в гифиле имеет между прочими значениями также и значение «приносить жертву». Слово «*ltm*», стоящее в двойственном числе, автор предполагает толковать: «два сосуда возношения». Что же касается слова «*mšt*» — «*mišteh*», то последним, по мнению автора, точно определяется, что эти сосуды применялись при обряде ежедневного возлияния богам ежедневного питья. Однако это толкование вызывает серьезные возражения. Прежде всего постулируемое им «*lt*», если только оно вообще существует в природе, ибо до сих пор оно не засвидетельствовано ни одним финикийским текстом, не может быть возведено к

гифилию глагола «alah», а только к его основной породе. В таком случае сконструированное акад. Никольским угаритское слово «lt» должно быть сопоставлено с евр. «olah», обозначающим не жертву вообще, а специально «жертву всесожжения». Однако самое существенное возражение против рассечения термина «mšt'ltm» заключается в том, что связь status constructus, устанавливаемая между этими двумя словами, прямо противоположна той, которая требуется грамматикой семитических языков. Действительно, управляемое слово «mšt», которое служит определением управляющего слова «ltm», стоит не на втором месте, а на первом. Перевод акад. Никольского — «два сосуда возношения каждодневного питья» дает обратный реальному положению порядок следования этих двух слов. Надлежит, конечно, перевести «каждодневное питье сосудов возношения», но это никак не оправдывается окружающим контекстом. Поэтому рассечение «mšt'ltm» на два слова следует признать совершенно неоправданным, тем более, что это и не вызывается крайней необходимостью. А ведь можно определить «mšt'ltm» как причастие м. р. двойственного числа от VIII породы глагола «š'l», которая иногда в вавилонско-ассирийском и арабском языках совпадает по значению с I породой. Основное значение корня «š'l» — «углубляться», производное же от него существительное «š'al» — «углубление руки», т. е. «пригоршня». Следовательно, слово «mšt'ltm» значит «две углубляющиеся», т. е. «пригоршни». Крайне неудачно также истолкование слова «mnpn» — строк 40, 44 и 47-й. Автор усмотрел в нем perfectum 1 л. мн. ч. глагола «mnp» и переводит его: «мы обессиливаем» (стр. 131—132). В строке 37-й «umnp», конечно, — 3 л. м. р. ед. ч. — imperfectum от позля глагола «mnp»; следовательно, «mnpn» в строках 40, 44 и 47-й не что иное, как причастие позля того же глагола — «ослабленный», но ни в коем случае не 1 л. мн. ч. его perfectum, как полагает акад. Н. М. Никольский.

Особенно многочисленны ошибки, обусловленные заменой повествовательного наклонения повелительным. Как известно, повелительное наклонение образуется из второго лица повествовательного наклонения действительного залога путем опущения префиксальной приставки второго лица «t». Следовательно, в глаголах с указанной приставкой должно усматривать только повествовательное наклонение, что не помешало автору переводить их повелительным наклонением в весьма многочисленных случаях, особенно если принять во внимание незначительные размеры текста С. Например: «t'nyn» (12-я строка) переводится «заклинай» (стр. 128); «tlkm» — (16-я строка) — «приди к ним» (там же); «tšd» (там же) — «обрати лицо твое» (там же); «thgrn» (17-я строка) — «огради» (там же); «thgr» (строки 40-я и 48-я) — «сжигай» (стр. 131—132); «tqt[nšn]» (строка 51-я) — «согни колени» (стр. 132) и т. д. и т. д.

К подобным же неточностям перевода следует причислить и замену повествовательного наклонения в 3 л. м. р. мн. ч. imperfectum повелительным наклонением: «yūbn» (строка 56-я) «повторяй» (стр. 132), «ysrg» (строка 57-я) — «считай» (там же). Слово «nprt» (строка 67-я) автор понимает как глагольную форму и переводит «соверши торжественное шествие». Это ничем не может быть оправдано, так как «nprt», будучи глагольной формой, могло быть понято только как perfectum, а от последнего повелительное наклонение, как известно, не образуется.

В иных случаях, наоборот, повелительное наклонение ошибочно заменяется повествовательным. В шестой строке две глагольные формы «lhm» («вкушать») и «šty» («пить») лишены приставки 2 лица — «t». Тем не менее, автор переводит «lhm ... šty» — «будете вкушать ... и пить», а не «вкушайте ... пейте», как было бы правильнее.

Отдельные ошибки акад. Никольского в корне меняют значение исследуемого текста. Среди слов, грамматическая форма которых определена автором неверно, находится слово «thgrn» — (17-я строка) — двойственное число ж. р. от imperfectum глагола «hgr» — «одеяывать», что вытекает также и из контекста. В предшествующих строках речь идет о двух божествах «atrt» и «rhm», из которых первое признается богиней и акад. Никольским, а женский пол второго легко может быть доказан. Женский род Рахам выступает отчетливо в 16-й строке — «tlkm rhmy wtšd.....», поскольку «tlkm» одна из форм повествовательного, а не повелительного наклонения, как предлагает автор. В кратком повествовательном тексте естественное предполо-

жить глагольную форму 3-го лица, нежели 2-го, что и заставляет понимать «tlkm» как 3 лицо ж. р. ед. ч. от imperfectum глагола «hlk» — итти — «она идет Рахмайя...» То, что «rhm» — resp. «rhm» — женское божество, а не мужское, вопреки утверждению Н. М. Никольского, доказывается суффиксальной частицей «у», присоединенной к корню слова. Она встречается в именах других угаритских богинь: жен героев Керета и Данэля и трех дочерей Ваала. Имя одной из них «Pdry» упоминается среди других имен богов в большом хуррийском документе, найденном в Рас-Шамра. Было даже высказано предположение, что частица «у» при именах угаритских богинь находится в какой-то связи с тождественным окончанием хуррийских женских имен — «ауа». Имя — «rhm» несомненно семитического происхождения, так как оно восходит к корню «rhm» — «материнское чрево» — общему всем семитическим языкам. В древнейшем библейском тексте — «Песнь Деборы» — «raḥam» обозначает «женщину», «девушку» (двойственное число — «raḥmatayim» — две женщины) и соответствует угаритскому — «rhm» «девушка», «женщина» в тексте С. Оно заменяет, очевидно, здесь имя второй великой женской богини угаритского пантеона — Анат. Действительно, в мифологической поэме о борьбе Мота с Алейяном-Ваалом последняя названа «rhm'nt» — «дева Анат», что соответствует другому ее имени «btlt'nt» — «девушка Анат».

На основании всего сказанного выше, можно считать установленным, что Рахам (Рахмайя) относилась к числу женских божеств. Следовательно, Рахам и Ашерат составляют «двойцу» богинь, и в этом случае упомянутая глагольная форма 17-й строки текста «thgtn» может быть не только по формальным признакам, но и по существу определена как двойственное число ж. р. от imperfectum глагола «hgr» — «опоясывать» — «обе опоясали», или «обе опоясаны». Установление двойцы богинь в первой части текста С влечет за собой допущение более тесной связи между первой и второй частями памятника, нежели та, которую допускает акад. Никольский. Действительно, в таком случае появляется возможность сопоставления Ашерат и Рахам с богинями, соблазненными, согласно Филону, Элом — с одной стороны, а с другой стороны — с двумя «женами Эла», которые играют столь крупную роль во второй части текста С. Правда, акад. Никольский не соглашается с предположением Виролло об отождествлении «жен Эла» с богинями мифа, рассказанного Филоном. Он указывает на то, что слово «att» «женщина» никогда не употребляется для обозначения богини (прим. 238). Однако в одном из текстов, посвященных богине Анат, в параллельном стихе богиня Ашерат названа «att» — «женой» («Syria» XVII, 1936, стр. 336), очевидно, как супруга Эла. «Женою» она названа и в тексте, свидетельствующем о принесении жертв царем и народом «Элу и Ашерат».

Установление тождественности действующих лиц в первой и второй частях текста С оказывает существенную помощь в понимании этого религиозного памятника, взятого в целом. Приходится сожалеть, что автору не удалось воспользоваться богатыми возможностями, предоставляемыми ему изучаемым памятником. Это утверждение можно иллюстрировать, к сожалению, многими примерами. Один из них — толкование первого слова текста С — «'iqra'a», которое он не интерпретирует единственным правильным образом как 1 л. ед. ч. от imperfectum глагола «qr» — «призывать», «заклинять», а как существительное, образованное по форме, засвидетельствованной в Мишне и Талмуде — «eqrai» — «встреча» (стр. 118). Что же касается слова «'iqra'an» 23-й строки, то оно, будучи вариантом «'iqra'a» — первой строки, является такой же глагольной формой, а не термином «заклик», обозначающим, по мнению автора, «пронесение формулы заклинания» (прим. 226). Оно соответствует еврейск. cohortativus, сохранившему еще древнее окончание — «an», и переводить его поэтому надлежит — «да призову я».

Еще один пример неучета автором норм грамматики и свидетельства контекста — интерпретация слова «hl», семь раз встречающегося в тексте С (строки 32 (3 раза), 33, 41, 44 и 47). Виролло в 1937 г. увидел в «hl» подлежащее всех тех предложений, в которых оно встречается. Поэтому он переводит, например, в строке 32-й «hlh tsh» — «его hl вызывает», понимая под «hl» одушевленное существо. Так как глагольная

форма «tsh» имеет показатель ж. р., то акад. Никольский, уточняя толкование Виролло, определяет «hl» как «жрицу» и утверждает, что «наименование hl надо производить от глагола halal, имеющего значение «петь», «играть на музыкальном инструменте», «славить бога» (прим. 232). С подобным пониманием «hl» согласиться невозможно, так как оно, будучи производным от глагола удвоенного «halal», не может иметь форму «hl». Существительное, производное от «hlh», может быть только причастием, а последнее, так же, как и самостоятельное неопределенное наклонение, является в глаголах, удвоенных трехсложными словами. Кроме того, в «hl» нет показателя ж. р.

Вызывает также сомнение, что данное слово служит подлежащим всех предложений, в которые оно включено. Почему же тогда в одних случаях (строки 32 и 33) при нем стоит слитное местоимение 3-го лица, а в других оно с ним не соединяется? Если «hl» — «жрица» выступает в 32-й и 33-й строках как «его жрица», то она должна была оставаться «его жрицей» и в 41-й, и в 44-й, и в 47-й строках. Путем сопоставления предложения 32-й строки «hlh tsh» и предложения 41-й строки «hl'srthrr», повторяемой в строках 44-й и 47-й, можно выявить значение слова «hl». В первом предложении рядом со сказуемым «tsh» «стоит только «hlh», а во второе включено кроме «hl» и сказуемого «srgr» еще слово «sr» — «птица». Последнее можно определить как подлежащее, а его сказуемое «trgr» надлежит интерпретировать как imperfectum 3 л. ж. р. ед. ч. от поэля глагола «trgr» — «быть жарким». Следовательно, получается предложение «hl — птица жарится», в котором «hl» никак не может значить «жрица» или «веща жрица». Оно имеет функцию более скромную — какого-нибудь вводного выражения, что находит подтверждение в уже упомянутом гимне, посвященном сокращенной свадьбе божества («Syria» XVII (1937), табл. XXV, строка 7) — hl glmt tld [b]n — «молодая женщина рождает сы[на]». Так как здесь представлено наряду со сказуемым «tld» — «она рождает» еще и подлежащее «glmt» — «молодая женщина», то «hl» подлежащим быть не может, что влечет за собой трудность истолкования в настоящем контексте данного слова как «веща жрица». И сам Виролло позднее отказался от прежней попытки интерпретации его, как существительного одушевленного женск. рода, предложив вместо этого новое толкование — как повелительное наклонение мн. ч. от глагола «hlh» — «прославлять» («Syria» XVII (1937), стр. 29). Таким образом, получается вполне уместный в общем контексте смысл: — «Прославляйте! Молодая женщина родила сы[на]». Поскольку птица, горящая на огне, представляется, согласно указанию автора (прим. 237), зловещим явлением, то поэтому вполне естественен призыв к прославлению ее гибели. Если бы акад. Никольский проделал работу, которую проделал его рецензент, то он пришел бы примерно к той же интерпретации слова «hl» и изъясил бы из своего перевода текста Спресловутую «вещую жрицу», а из религиозной драмы, увековеченной изучаемым им памятником, ненужный персонаж.

Четкое и точное определение грамматического значения того или иного угаритского слова, взятого само по себе, невозможно ввиду написаний одними согласными. Поэтому для его интерпретации требуется не только кропотливое изучение грамматической структуры каждого отдельного слова, но и исследование всего окружающего контекста путем привлечения параллельных текстов, а по мере возможности и письменных памятников, созданных древними цивилизациями, близкими Угариту по времени и месту.

В какой же степени акад. Никольский воспользовался при переводе настоящего документа той помощью, которую ему мог оказать контекст и близкие последнему по содержанию другие памятники? Рассмотрим понимание автором седьмой строки: [š]ʿl m[.] t'm [l.] [k] šlm·mlkt.rbm·w t'nm — О Шалем, ты воцаришься! О Шалем, царство твое над ивами и каменными пальмами (стр. 127, прим. 215).

Перевод этот вызывает возражение уже одним тем, что в тексте стоит не «царство твое», а просто «царство». Далее — «царство над ивами и каменными пальмами» предполагает наличие после «mlkt» предлога «ʿl» или «b». Данный же в табличке текст следует перевести «царство ив и каменных пальм». Кроме того, в угаритском языке слово «mlkt» обозначает «царица», а понятие «царство» выражалось с помощью неопределенного наклонения «mlk» — «царствование». Сомнительно также и истолкова-

ние дважды упомянутого слова «šlm» как имени бога «Шалем», которое дается автором вслед за Виролло, Дюссо и Бартоном. Подобный перевод обосновать нелегко. Текст С, упоминающий в 52-й и 53-й строках, действительно, бога Шалема, называет его в обоих случаях вместе с богом Шахаром в связи с великим событием их рождения. Поэтому неоправдано упоминание одного лишь Шалема в самом начале текста С, религиозного памятника, центральное место в котором занимает рождение милостивых и прекрасных богов Шахара и Шалема. Таким образом, не имя Шалема следует видеть в седьмой строке в слове «šlm», а существительное «šlm» — «мир», «благополучие», общее для всех семитических языков, засвидетельствованное и в угаритских текстах. Следовательно, строчку эту надо перевести: «мир воцарился, мир воцарился, о жрецы и народ», ибо понимание «tnnm» и «t'bm» как «каменные пальмы» и «ивы» также неверно. Первое из этих слов означает «народ» (букв. «воины»), а второе букв. «входящие», т. е. имеющие право входить к богу в храм. И так, перевод седьмой строки акад. Никольским — «Шалем с ивами и каменными пальмами идут к приятной жертве заклания» (стр. 128 и прим. 228) ничего общего с действительностью не имеет. Эта строка гласит: «Мир! О жрецы и народ, приходящие с жертвой милости!»

В равной мере весьма спорен перевод второй половины 14-й строки. Автор отказался здесь следовать за Виролло, который пытался осознать семантику имеющегося в ней слова «'anph», используя принцип параллелизма. Место это: [t]b[hg]d]. bhlb.'anph. bhm'at, что по мнению акад. Никольского означает: «Ва[ри коз]ленка в молоке и откормленного голубка в масле» (стр. 128). Против же использования Виролло слова «'anph» как животного, близкого к козленку, он указывает на то, что ни в одном из семитических языков нет слова с таким же консонантным составом. По его мнению, также невероятно, чтобы в данном тексте были бы указаны две жертвы одной и той же категории и одного и того же вида животных. Поэтому он и сопоставил «'an» с еврейск. «уֹבֵנֶה» голубь, а «ph» с аккад. «paḫu» — «жир» (прим. 220). Однако в угаритском языке установлено сравнительно большое количество существительных с четырьмя согласными, и не для всех из них удалось найти соответствие в других семитических языках. Что же касается жертвы козленка и жертвы «'anph», то из контекста видно, что они принадлежат к жертвам одной категории и относятся к животным одного и того же вида, именно к млекопитающим. Предписание «варить козленка в молоке» должно быть сопоставлено с запретом библейских текстов варить козленка в молоке его матери (Исх. XXIII, 12; Второзак. XIV, 21). В тексте С предписание варить козленка в молоке связано с предписанием варить животное «'anph» в масле, т. е. в продукте из молока (очевидно, молоко того же вида животных, к которому принадлежал и «'anph»). Следовательно, последний являлся млекопитающим, но не птицей, ибо говорить в данном случае о «птичьем молоке» вряд ли приходится. Но имеется еще один довод. В одном из угаритских документов, посвященных предписаниям о жертвоприношениях, среди приносимых жертв упоминается и «unt». Этот термин следует сопоставить, надо полагать, с евр. «уֹבֵנֶה» — голубь. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что в «'anph» надлежит видеть не «откормленного голубка», а животное, подобное «ягненок».

При разборе 19—20-й строк, где упоминается «mtbt» — «обиталища» богов, автор оставил без внимания, кроме угаритских источников, также и одно место из библии (Иезекииль, VIII, 3), где слово «mōšab», тождественное угаритскому «mtb», встречается в таком же контексте, что и «mtbt» 19-й строки. Чтобы осознать все значение библейского свидетельства для уяснения изучаемого документа, надлежит процитировать еще строки 21—22-ю, выделенные, подобно строкам 19 и 20, горизонтальными линиями в самостоятельный раздел.

21'iqn'u šmt 22 [b]n. šrm

Неправильно понял слово «'iqn'u» как «запевайте», а не как «я усердствую», акад. Никольский закрыл себе путь к точной интерпретации названных строк, которые он перевел: — «Запевайте имена (богов благостных). Сын дарей (дает обет)» (стр. 132).

Перевод этот вызывает ряд весьма серьезных возражений. При таком понимании

21-й строки, как самостоятельного предложения, дополнение последнего слова — «имена» — остается несколько изолированным. Недаром автор вынужден внести разъяснение об отношении его к «богам благостным». Отколов 22-ю строку от предшествующей, он может предоставить созданному им предложению лишь одно подлежащее — «сын царей», относительно которого ему самому приходится признать, что оно едва ли может быть понятно современному читателю без объяснений. С целью «объяснения» акад. Никольский и создает «сыну царя» сказуемое — «дает обет», несмотря на то, что оно буквально ничем не связано с окружающим контекстом. Действительно, невозможно согласиться с «доводами», которыми он хочет объяснить неожиданное произнесение обета созданным им «сыном царей»: «Здесь, конечно, речь может идти только торжественном произнесении царем обета построить благостным богам город и святилище, ибо нигде в дальнейшем тексте «Еггепу» «сын царей» больше не упоминается, а церемония произнесения обета должна безусловно фигурировать в тексте» (прим. 226). Однако тщетно искать в ближайшем контексте каких-либо намеков на построение города и храма благостным богам. Более того, оно прямо противоречит ему, ибо, как уже было показано выше, в нем нет упоминания о сооружении города «Ашдода», предназначенного для упомянутых богов.

Поэтому из перевода 22-й строки надо устранить несуществующее в тексте сказуемое «дает обет» и исправить неточный перевод «bn šgm», как «сын царей». В угаритском языке, так же как и в финикийском и древнееврейском языках, для обозначения царя — главы государства, имеется специальный термин «mlk» (см., например, приписку к поэме о борьбе Мота и Алейяна-Ваала — Поэма А, ст. VIII, 53—57, текст, посвященный ритуалу жертвоприношения — AKRS № 9, строки 10—11; № 5, строки 2, 10, 23, 25 и т. д.). Что же касается термина «šg», то он в угаритском языке, как и в древнееврейском, к земному царю не применяется. Таким образом, «bn šgm» не эпитет царя, а эпитет бога, подобно тому как в книге Даниила VIII, 25 бог назван «šag šarim» — князем князей. Поскольку в угаритском тексте «bn šgm» можно интерпретировать не только как «сын князей», но и как «сыновья князей», то «bn šgm» следует понять, как эпитет богов благостных, главных героев изучаемого памятника. Следовательно, строки 21—22 в точном переводе будут звучать: — ²¹ «я усердствую (об) именах ²² [сы]новеи князей», и тем самым открывается путь к подлинному осознанию всего окружающего контекста. Дело в том, что глагол «qn'» — «ревновать», «усердствовать» упоминается в названном выше стихе 3 главы 8-й книги Иезекииля в связи со словом «mōšab» — тождественным угаритскому «mtb» строки 19-й текста С: «И взял меня за волосы головы моей и поднял меня между землей и небом и принес меня в видениях божьих в Иерусалим ко входу внутренних врат, обращенных к северу, где (было) обиталище (mōšab) идола ревности (haqqin'ah), который вызывает ревность (hammaqneḥ)». Очевидно Иезекииль сохранил от Иерусалима дополненной эпохи интереснейший намек на ритуал праздника, близкого празднику Угарита, обрядность которого очерчена в строках 19—20. К сожалению, акад. Никольский не смог использовать эту столь существенную для него библейскую параллель вследствие неправильной интерпретации глагольной формы «iqn'u».

Не привлечены близкие библейские и угаритские тексты и для уяснения термина «nqrṭ» в 67-й строке.

Толкование слова «šnt» как «времени» неприемлемо. Оно значит — «годы». Равно неприемлемо понимание термина «nqrṭ» как «совершай праздничный хоровод», «круговое шествие», предложенное французским исследователем Дюссо и без всяких оговорок воспринятое в рецензируемой книге. Однако если бы акад. Никольский обратился к помощи 44—48-й строк II столбца мифологической поэмы, прозванной ее первоиздателем Виролло «Охота Ваала», и привлек бы 1-й стих XXIX главы Исаии, то едва ли оставил бы прежнее чтение «nqrṭ», заменил бы его иным — параллельным понятию «šnt» — «год» — «круговорот года».

Очень жаль, что в книге заметно пренебрежение материалами древнего Египта, тесно связанного с финикийским городом и в культурном и в политическом отношении. Действительно, если бы акад. Никольский обратил большее внимание на литературные

и религиозные памятники долины Нила, он не прошел бы мимо религиозных мистерий, в которых, как известно, принимало участие большое количество лиц. Он установил бы в этом случае, несомненно, некоторую общность между ними и изучаемым им текстом С и был бы первым исследователем, указавшим на существование в Угарите религиозной драмы. Ему стали бы тогда также яснее некоторые частности изучаемого документа, например, связь богини Ашерат с морем или отношение Ашерат и Анат к богу Элу, главе угаритского пантеона, рассказы о временном бесплодии обеих богинь и о рождении богов. Ознакомление с древнеегипетскими драматическими текстами и описанием сирических мистерий, вероятно, удержало бы автора от рискованного отождествления «*ḡbm*» и «*ḥbm*» строк 7-й и 26-й с «ивами» и с «каменными пальмами». Он увидел бы в них, конечно, участников мистерийных действ.

Упрек акад. Н. М. Никольскому в недостаточном использовании египтологического материала уже затрагивает не только область методики, но и область методологии, поскольку в пренебрежении оставлено одно из основных ее требований, а именно комплексное изучение исследуемого источника. В задачи предлагаемого отзыва не входят указания на методологические ошибки, свойственные настоящей книге. Наша задача ограничивается установлением лишь методических погрешностей автора, дабы их можно было бы учесть при новом издании, которое должно быть подготовлено в самое ближайшее время.

Акад. В. В. Струве

II

До начатых в 1929 г. раскопок в Рас-Шамре (древнем Угарите) история Финикии оставалась наиболее темным местом в области изучения древнего Востока. Сведения о древней Финикии черпались преимущественно из свидетельств иноземных источников. Вот почему финикийцы известны были прежде всего как народ мореплавателей и торговцев. Внутренний же строй Финикии, ее экономика, ее быт, ее общественное и политическое устройство известны были очень мало и поверхностно. Литературные и пока еще немногочисленные хозяйственные и деловые документы, найденные в Рас-Шамре, впервые открывают возможность ближе ознакомиться со всеми этими сторонами жизни древней Финикии. Однако далее попыток расшифровки и первоначальной обработки отдельных текстов и документов дело изучения вновь открытых памятников пока не продвинулось.

Тем больший интерес должно представлять появление новой книги акад. Никольского¹. Основное содержание книги акад. Никольского посвящено исследованию и переводу текста С из Угарита. Текст этот содержит в себе описание обрядностей, связанных с рождением «благостных богов». Интерпретируя этот текст, автор делает очень интересный по своему замыслу попытку обнаружить скрывающиеся за официальным жреческим культом и за позднейшими божествами финикийского пантеона пережитки образов и представлений собственно народной земледельческой религии и связанных с этими представлениями обрядностей, аналогичных тем примитивным представлениям и обрядностям, которые можно проследить у всех народов.

Следует заметить, однако, что текст С представляет большие трудности для перевода и допускает самые различные толкования в виду того, что самый язык угаритских текстов полностью далеко еще не изучен. Немало примеров таких расхождений в толковании содержания текста С можно найти в книге самого Н. М. Никольского.

¹ Содержание статей Н. М. Никольского, помещенных в «Историческом журнале» за 1945 г. и в ВДИ за 1946 г., №№ 1 и 2, вошло в рецензируемую книгу.

К сожалению, автору осталась недоступной литература последнего послевоенного времени. В самое последнее время акад. В. В. Струве на сессии Ленинградского университета в конце ноября 1948 г. сделал доклад по поводу текста С, в котором предложил свой перевод, совершенно отличный от перевода акад. Никольского. Вот почему ввиду такого расхождения в толковании и переводе этого спорного текста самая попытка академика Н. М. Никольского вскрыть при его помощи представления народной земледельческой религии при всем вызываемом ею интересе оказывается, быть может, преждевременной.

Содержание книги акад. Никольского, однако, не исчерпывается исследованием проблем финикийской религии и финикийских культов. Самое исследование этих культов служит для автора лишь основой для постановки общей проблемы о характере культуры и общественного строя древней Финикии, проблемы, имеющей более существенное значение, нежели вопросы финикийской религии сами по себе. Поэтому высказываемые акад. Никольским по этой основной проблеме соображения заслуживают специального внимания и на них необходимо остановиться особо.

Вопросам общественного строя древних финикийских городов специальное внимание уделяется в последней, заключительной главе книги акад. Никольского, хотя автор не раз обращается к ним и в предшествующих главах. Из факта общественного отправления описываемых в тексте С обрядностей — а этот факт не подлежит сомнению — акад. Никольский делает заключение, что культ благостных богов носил не только земледельческий, но и общинный характер и практиковался внутри земледельческих общин. Признание же факта общинного отправления земледельческих культов в свою очередь служит исходным пунктом для заключения о том, что именно община и общинный строй лежали в основе всей общественной и политической жизни страны. «Текст Егепу и другие использованные нами ритуальные тексты Рас-Шамры, — говорит он, — самым убедительным образом показывают, что попытки некоторых современных историков «причесать à la gresque» финикийский общественно-политический быт и строй являются совершенно произвольными субъективными спекуляциями, не имеют под собой никаких реальных фактических оснований» (стр. 232). В самой решительной и категорической форме выступая против распространенного представления о финикийских царствах как о городах-государствах типа античных полисов, благосостояние которых основывалось не на земледелии, а на торговле (стр. 156), акад. Никольский в то же время находит, что «общественный строй финикийских царств был того же типа, как и общественный строй других древневосточных государств» (стр. 158). Подобно этим последним, и общественный строй Финикии основывался на общине и на общинном землевладении и возглавлялся деспотическими правительствами отдельных городов (стр. 158 сл., 309 сл.).

В подтверждение своей характеристики общественного строя Финикии акад. Никольский приводит и некоторые данные из деловых и хозяйственных документов, в небольшом количестве пока найденных в Рас-Шамре.

Ввиду крайней важности и ответственности высказываемых здесь акад. Никольским положений, они, как сказано, заслуживают специального внимания. Рассмотрим, насколько доказательна его аргументация. Необходимо прежде всего заметить, что, признавая за акад. Никольским заслугу установления коллективного выполнения земледельческих обрядов, нельзя в то же время безоговорочно согласиться с ним в том, что сам по себе этот факт является несомненным свидетельством преобладания общинного строя в финикийских городах. Начать с того, что в данном случае он сам предполагает, что мы имеем в тексте С дело не с непосредственным выполнением общинных земледельческих обрядов, но с их модификацией, с переработкой и переосмыслением наиболее существенных частей ритуала представителями официального культа, выступающими и в качестве активных исполнителей. Помимо этого сомнение в безусловной правильности подобного заключения вызывают также совершенно сходные факты коллективного выполнения земледельческих обрядов и в той самой Греции, против всяких аналогий с которой так решительно протестует Н. М. Никольский. Земледельческие культы практиковались не менее, если не более, широко в народной религии

Греции, и именно ее наиболее передовой области — Аттики. Связанные с этими обрядами образы и представления известны здесь в их еще более непосредственном и немодифицированном виде. В то же время в Аттике известно и коллективное выполнение этих обрядов. В основе календаря аттических праздников лежали прежде всего именно коллективно выполняемые земледельческие обрядности, лишь с течением времени обраставшие обрядами иного назначения. При этом первоначальное местное сельское происхождение этих обрядностей выступает гораздо определеннее, нежели в ритуале текста Рас-Шамры. Особенно отчетливо это наблюдается на примере праздника Дионисий. Как известно, ежегодно справлявшиеся сельские Дионисии отличались от больших городских Дионисий, установленных, как можно думать, при Писистрате и справлявшихся раз в четыре года. В основе обряда сельских Дионисий лежал чисто земледельческий, «мужицкий», по выражению Плутарха, культ фаллоса, как магического средства поднятия плодородия. Показательно уже самое название сельских Дионисий — *tá kat' áγροῦς Διονύσια* (у Гарпократиона, р. 143, встречается еще более определенное выражение *tá katá δῆμον Διονύσια*). В праздновании сельских Дионисий отдельные дэмы представлены были несколькими хорами — комами со своими комархами во главе. Мало того, имеется ряд свидетельств о существовании в Аттике под тем же наименованием местных праздников, не включенных в официально признанный календарь праздников. Итак, если судить по этой аналогии с Атикой, где сельская община, как известно, рано исчезла, самый факт коллективного отправления земледельческих культов и обрядов сам по себе еще ничего не говорит об их собственно общинном (в узком значении) характере.

Не более доказательны и другие данные, которыми акад. Никольский думает подтвердить свой тезис об общине как базе общественного строя финикийских городов. Особенно показательными с его точки зрения представляются данные так называемого марсельского тарифа, найденного в карфагенской колонии Массалии (совр. Марселе), причем фрагменты аналогичного тарифа найдены и в самом Карфагене. В строках 16—17-й названы здесь четыре категории коллективов, которые являются приписителями жертв, именно: «всякое племя, всякий род, всякая братчина (каких-либо) богов и всякая группа людей» (стр. 159). Текст этот не только не может служить доказательством существования сельской общины в Финикии, но и вообще ничего не говорит об общине. Да и о какой сельской общине могла идти речь в торговой колонии, какую представляла собою Массалия? Здесь упоминается «братчина богов», причем настойчивое утверждение, что под этой «братчиной богов» должно разуметь именно сельскую общину, может вызвать у читателя только недоумение. С другой стороны, все перечисленные архаические учреждения приписаны исключительно богам, в чем следует видеть проявление консерватизма мысли, причем им специально противопоставляются, как реально существующие, «группы (т. е. случайные временные объединения) людей». Наконец, сам по себе факт упоминания племени, рода, братчины не имеет той показательной силы, какую предполагает акад. Никольский, поскольку те же самые учреждения с совершенно аналогичными обозначениями (филы, роды, фратрии) существовали и в древней Греции, точно так же как и в Риме, и при этом не в таком малоопределенном и сомнительном значении, как в марсельском тарифе, но в применении к реально существовавшим общественным делениям, восходящим, хотя и с совершенно измененным значением, ко времени первобытно-общинного строя. Соответственно и в «братчине» марсельского тарифа гораздо естественнее видеть не сельскую общину, а именно такую же первоначальную архаическую форму объединения родов.

Обращаемся к документальным данным, на которых базируется акад. Н. М. Никольский, стремясь доказать существование общинного строя в Финикии. В одном из документов царского архива в Угарите, найденных в 1938/39 г., делается распоряжение относительно сбора налогов и поставки военных отрядов с 90 «городов», которые акад. Никольский интерпретирует как села. Другой документ содержит перечисление состава экипажей трех больших морских судов по 80—90 человек в каждом, указанных не поименно, а партиями, обозначенными групповыми именами. Отвергая

предположение Виролло о родовом значении этих наименований, акад. Никольский, со своей стороны, считает, что они «относятся, конечно, к общинам» (стр. 164). В третьем документе говорится о выдаче растительного масла [3 гур—ок. 400 литров] «для прокорма (akal)» восьми лицам. Акад. Никольский предполагает, что эти восемь лиц получали довольствие не для себя лично, но для членов общин, привлеченных к работам на дом царя (там же). Возможно, конечно, что в этих случаях действительно имеются в виду члены общин; однако прямых указаний на это в самих документах не содержится. С другой стороны, не менее вероятно, что при этом указывается только место происхождения отдельных групп воинов или матросов; делать же предположения о характере и общественном значении поселений, из которых происходили эти партии, было бы во всяком случае преждевременно. И в данном случае можно сослаться на пример Греции и прежде всего Атики, где также, как известно, население распределялось по местным территориальным единицам — демам. По демам образовались военные отряды, по демам составлялись списки граждан, павших в сражениях; наконец, каждый гражданин, помимо собственного имени и имени отца, обозначался по дему, из которого происходил. Как видим, и в данном случае наблюдается почти полная, по крайней мере внешняя, аналогия с античностью, против чего как раз и возражает акад. Никольский. Таким образом, и эти примеры нельзя признать показательными.

Еще менее показательны деловые документы, которые, по мнению акад. Никольского, должны свидетельствовать о существовании домашней общины. Уже одно то, что в этих документах идет речь об имуществе богатых торговцев, заставляет усомниться в возможности сохранения в их хозяйстве порядков домашней общины. Против этого, вопреки мнению акад. Никольского, говорит и самое их содержание. Один документ представляет завещательное распоряжение, причем перечисляются рабы, бронза в различном виде, корабли и лишь на последнем месте полевой участок; в другом документе речь идет о продаже недвижимого имущества, заключающегося в доме, полях, масличных плантациях и виноградниках; продавец оставляет за собою только бронзу, представлявшую ходкий товар и служившую в то же время средством обмена. В обоих этих случаях нет оснований полагать, что дело идет об имуществе домашних общин; в одном документе недвижимое имущество стоит на последнем месте, в другом — оно служит предметом продажи при сохранении движимости, а между тем именно недвижимое имущество лежит в основе всякого домашнего хозяйства и именно отсутствие права распоряжаться и отчуждать недвижимую собственность и составляет основную и характерную черту домашней общины. Не будем останавливаться на других примерах, касающихся торговой деятельности ассирийских купцов и агентов в Угарите, занимавшихся скупкой местных продуктов и изделий, примерах, которые вовсе не доказывают, что местные продукты и изделия не служили предметом вывоза и что финикийская торговля носила исключительно посреднический характер.

Акад. Никольский, выступая с критикой господствующих представлений об общественном строе и культуре финикийских городов, замечает, что не следует эти последние «причесывать à la gresque». С этим нельзя не согласиться; именно убеждение в том, что распространенные в советской науке истории древнего Востока установки грешат в этом направлении, и побудило автора настоящих строк выступить против этих ошибочных, с его точки зрения, установок. Однако не менее ошибочными представляются обратные попытки стандартизировать историю отдельных стран древнего Востока и причислять всех их одинаково, так сказать, à l'orient. Общественный строй и культура народов определяются не географическими координатами, а теми условиями, в каких происходит их развитие. К истории каждого народа следует подходить поэтому конкретно, а не с общей меркой. И в этом отношении никак нельзя недооценивать того влияния, какое развитие торговли должно было оказывать на разложение более примитивных форм быта в жизни финикийских городов. В частности, не следует преуменьшать также значения и размеров местного вывоза. В Египте большим спросом пользовались финикийские металлические изделия — сосуды и другие предметы художественной промышленности, выложенные золотом и серебром колесницы. О вы-

возе пурпурных тканей в Ассирию свидетельствуют данные, приводимые в книге самого акад. Никольского. Особенно существенным в интересующем нас отношении представляется широкий вывоз вина, об изобилии которого в Финикии свидетельствуют надписи Тутмоса III. Из этого можно заключить, что такая существенная и, быть может, доминирующая, в финикийских городах отрасль земледельческого хозяйства, как виноградарство и виноделие, в значительной мере находилась в зависимости от торговли, и это обстоятельство так или иначе не могло не оказывать влияния на положение общины. Конечно, этими соображениями вопрос ни о характере, ни о сохранении или исчезновении общины еще никоим образом не предпрещается. Следует признать лишь, что для ответа на него у нас нет пока данных; данные же, приводимые акад. Никольским, не всегда убедительны и во всяком случае недостаточны.

Возможно, тем более в такую относительно раннюю эпоху, к какой относится время составления текста С, общинный строй находился еще в полной силе (что ничего не говорит еще о его дальнейшей судьбе). Возможно, и даже вероятно, что и общественный и политический строй внешне складывался в это время по образцу государственного строя крупных соседних государств. Это косвенно подтверждают документы о рекрутировании матросов и о выдаче довольствия людям, участвующим, по предположению акад. Никольского, в работах на дом царя. Однако, даже и признавая возможность такого сходства внешних форм, нельзя в то же время упускать из виду и специфических, и притом очень существенных, моментов, которые отличали общественный строй Финикии от строя других государств древнего Востока. Прежде всего, здесь не существовало тех специфических условий, которые в областях речных культур обуславливали собою деспотический характер власти. Здесь вместе с этим не существовало и тех тенденций к объединению, как в Египте и Двуречье, чем и объясняется раздробленность Финикии на ряд небольших царств. Если не следует совсем игнорировать значения сельского хозяйства в экономической жизни Финикии, обладавшей хотя и узкой, но плодородной береговой полосой, то нельзя, с другой стороны, недооценивать и разлагающее влияние торговли, в частности на общинный строй. Местные царьки являлись не столько верховными распорядителями земельной собственности, как цари Египта и Двуречья, сколько торговцами. Об этом свидетельствуют документы, приводимые самим Н. М. Никольским. «Большой мудростью посредством торговли твоей ты умножил богатства твои и возгордился богатством твоим», — такими словами характеризует израильский пророк Иезекииль царя Тира. Соответственно и окружение царя составляли не жрецы и воины, как в Египте и Вавилоне, но богатые торговцы. «Купцы — князья; торговцы — знаменитость земли», — говорит о Финикии другой пророк — Исайя¹.

Что касается, наконец, вопроса о допустимости аналогии с античностью, в этом отношении можно сослаться на свидетельство такого авторитетного представителя самой античности, каким был Аристотель. Проводя резкую грань между эллинами и восточными варварами и утверждая, что на востоке все — рабы, подчиненные воле одного господина, он в то же время делает в этом отношении исключение именно для финикийцев (карфагенян). Давая обзор различных политических форм на основании исключительно данных, взятых из конституций различных греческих городов, Аристотель все же находит возможным специально, и притом очень обстоятельно, остановиться на государственном устройстве Карфагена, замечая при этом, что «карфагеняне, как полагают, пользуются прекрасным государственным устройством», и находя в этом последнем черты сходства с государственным строем лакедемонян².

Заключая на этом нашу рецензию книги акад. Н. М. Никольского, мы можем в заключение констатировать, что если и нельзя совершенно безоговорочно согласиться с той общей характеристикой, какая дается в ней хозяйственному и общественному

¹ Значение купечества в жизни Угарита на основании финикийских же источников вполне отчетливо показано в книге самого акад. Никольского, стр. 310.

² См. Аристотель, Политика, II, 8 (1272 b — 1273 b).

строю Финикии, то самая постановка этой проблемы, не затрагивавшейся еще в советской научной литературе, представляет большой сдвиг и несомненную заслугу автора.

Акад. А. И. Тюменев

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА. Сборник статей под редакцией академика И. И. Толстого. Академия Наук СССР. Научно-популярная серия. 367 стр. + 1 карта. М.—Л., 1948, тираж 4000 экз., цена 20 руб.

Сборник состоит из четырех отделов, написанных разными авторами. Больше двух третей его составляют работы М. И. Максимова. Ей принадлежат полностью: отдел первый — «Сырьевая база и первичная обработка материалов» и отдел второй — «Строительная техника», который, в свою очередь, распадается на пять отдельных статей: «Строительство зданий», «Типы частных и общественных зданий», «Планировка и строительство городов», «Водоснабжение и канализация», «Организация строительных работ. Администрация. Рабочая сила». Третий раздел — «Техника промышленности» состоит из четырех статей. Две первые: «Обработка изделий» и «Техника текстильной промышленности» — написаны также М. И. Максимовой, третья — «Техника изготовления папируса» принадлежит П. В. Ернштедту и, наконец, последняя статья — «Монетная техника» написана А. Н. Зографом. Отдел четвертый — «Техника военного дела и мореходства» содержит две соответствующие статьи, написанные совместно А. В. Болдыревым и Я. М. Боровским. Далее следуют приложения, примечания, указатели и карта эллинистических государств.

Как видно из перечня содержания, сборник представляет значительный интерес и призван заполнить существенный пробел в нашей научной литературе по технике эпохи эллинизма и косвенно по технике античного мира вообще. Вопросы, обстоятельно разбираемые в сборнике, обычно входили составными частями в историю архитектуры и в общую историю культуры, а вопросы военной техники — в историю военного искусства, в которой главное внимание уделялось не технике, а описанию войн и отдельных сражений. Таким образом, вопросы, на которых акцентируют свое внимание авторы сборника, несмотря на все их значение, обычно занимали подчиненное положение.

Специальные работы по античной технике, как, например, известная книга Дильса, по сути дела не являются подлинными историями античной техники, а, главным образом, сборниками различных технических курьезов, которые интересны сами по себе, но античной техники как таковой не представляют, так как не нашли или почти не нашли в ней сколько-нибудь значительного применения. В русской дореволюционной и в советской научной литературе вообще есть работы по отдельным вопросам античной техники. Некоторые из них, правда, далеко не все, упомянуты авторами рецензируемого сборника. Однако специальный сборник «Эллинистическая техника» издан впервые. Кроме того, в нем выдвинуты на первое место и подвергнуты подробному рассмотрению те стороны техники, которые в большинстве работ незаслуженно оставались в тени. В этом ценность сборника и заслуга его авторов, в первую очередь М. И. Максимова. Советские ученые, естественно, обратили свое внимание не на курьезы, а на основные элементы техники, начиная с ее сырьевой базы, камня, металла, дерева и т. д. Но здесь начинаются и недочеты сборника, на которых тем более следует остановиться, что, — как мы уже отмечали, — перед нами серьезный научный труд, имеющий целью заполнить существенный пробел в литературе по эллинистической технике.

Как видно из перечня содержания сборника, эллинистическая техника охвачена в нем неполно. Главный аспект сборника: камень, металл, дерево и их обработка.